

Побеждает мир света и разума

В тех краях, где хозяйничают американские миллиардеры и миллиардеры, поирая с неприкрытой наглостью и тупой звериной жестокостью...
 Ян СУДРАБКАЛН

В тех краях, где хозяйничают американские миллиардеры и миллиардеры, поирая с неприкрытой наглостью и тупой звериной жестокостью...
 Ян СУДРАБКАЛН

В тех краях, где хозяйничают американские миллиардеры и миллиардеры, поирая с неприкрытой наглостью и тупой звериной жестокостью...
 Ян СУДРАБКАЛН

В тех краях, где хозяйничают американские миллиардеры и миллиардеры, поирая с неприкрытой наглостью и тупой звериной жестокостью...
 Ян СУДРАБКАЛН

В тех краях, где хозяйничают американские миллиардеры и миллиардеры, поирая с неприкрытой наглостью и тупой звериной жестокостью...
 Ян СУДРАБКАЛН

Старший прораб Н. М. Ерофеев осматривает новую линию пультвода.

У донских берегов

Перед новыми делами... С земляной плотины открывается широкий вид на обе стороны Димьянского гидроузла...
 ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
 2 1 мая 1952 г. № 53

Весна неудержима!

Михаил ЛУКОНИН

Вчера вечером мне пришлось беседовать с высоким нетерпеливым человеком средних лет...
 Да, вот это уже настоящая весна!

В Москве солнечно, весело, празднично. Под Москвой оживает природа, поднимается озимая рожь, зашумели вербы, захлопотали птицы...
 На Дону у Балача уже проснулась волна и бьет в причал порта, готовая пуститься в небывалое путешествие по шлюзам канала.

В этом году весна там очень запоздала, она побеждала с трудом. Обычно Волга вскрывается в середине марта, а в этом году до самого апреля...
 В марте еще властвовала зима. Иногда она делала вид, что уходит, а сама пряталась где-то поблизости, на волжском льду...

В марте еще властвовала зима. Иногда она делала вид, что уходит, а сама пряталась где-то поблизости, на волжском льду...
 И все-таки была весна, она уже чувствовалась в наших делах.

И все-таки была весна, она уже чувствовалась в наших делах...
 В холодный мартовский день на Волго-Дон пришел известный московский цветовод, пришел в управление в Балаче, приступил к работе...

В холодный мартовский день на Волго-Дон пришел известный московский цветовод...
 Наш оптимизм основан на знании законов развития общества. Мы реалисты, мы учтем самую явную угрозу войны, но это нам не мешает строить с расчетом на мирное завтра...

Наш оптимизм основан на знании законов развития общества...
 И вспомнил эту песню на трассе канала уже в середине апреля. Был теплый день, повсюду сверкала паводковая вода...

удалось подойти к забоям экскаваторов. И все же темпы работ не только не снизились, а нарастали из-за дня в день. Пешеход с трудом вытаскивал ноги, завязшие в глине, но шоферы Якушин, Друженко, Калинин, бригады шоферов Свищева, Босыкина, Торощева в эти дни выполняли по полторы нормы на вывозке грунта, на доставке камня, щебня, песка, бетона.

Эти люди помогли нашей весне, они сделали ее. И песня их уже плескалась в мощном русле канала...
 В те дни уровень воды в Березлавском водохранилище повышался на 30—35 сантиметров в сутки, оно уже разлилось на два километра ширь...

В те дни уровень воды в Березлавском водохранилище повышался на 30—35 сантиметров в сутки...
 В самом Сталинграде идет подготовка к пуску Волго-Донского канала, к завершению первой стройки коммунизма.

В самом Сталинграде идет подготовка к пуску Волго-Донского канала...
 Большой весенний день полон новостей. Из Горького прибыла комиссия по проверке готовности к навигации.

Большой весенний день полон новостей...
 Как я думал о нашей весне, вспоминал Сталинград, Волго-Дон, пока сидел вчера вечером рядом с нашими гостями из-за рубежа.

Как я думал о нашей весне, вспоминал Сталинград, Волго-Дон...
 Наши сердца слышат гул битвы в Корею. Мы знаем, что американские солдаты в Корею — это и есть те спички, которыми Труман и К° пытаются поджечь мир.

Наши сердца слышат гул битвы в Корею...
 Наш оптимизм основан на знании законов развития общества. Мы реалисты, мы учтем самую явную угрозу войны, но это нам не мешает строить с расчетом на мирное завтра...

Наш оптимизм основан на знании законов развития общества...
 И вспомнил эту песню на трассе канала уже в середине апреля. Был теплый день, повсюду сверкала паводковая вода...

Семей КИРСАНОВ Дом на Смоленской

Вознялся в небо шпиль! Протерты до блеска, стремятся окна вверх, и снят подземный кран...
 Здравье, новый дом на площади Смоленской, сияющий стеклом, высокими величиями!
 Сегодня, в майский день, так гордо ты стоишь! И величавая тень прикрыла сотни крыш.
 Я рад, что так расписан твой солнечный фасад, я рад за всех, кто здесь о будущем мечтал, кто герб лепил твой золотой портал.
 Спасибо, инженер, спасибо, архитектор, спасибо, каменщик, сложивший этот дом!
 Любуюсь на фасад, я радуюсь за тех, кто прославил наш народ дерзанием и трудом.
 Как было хорошо на шпигеле верхолазу, который закреплял последнюю деталь, там было видно все, там открывался глазу осуществленный план и будущего даль.
 И он смотрел вокруг, взволнованный сознанием, что это все — его! — открывалась ширь, что в деле его рук и в этом смелом зданье народом воплощен советский взгляд на мир!

О новой дунавской строительной площадке, где влосе создаст советский человек!
 А исполненный дом, в чудесной башне-шапке, предсказывает нам счастливого, долгий век.
 В дарьяльской тесноте арбатского квартала рассказывает дом, чем занят наш народ, что хочет сделать он из камня и металла, во что свой трудовой доход.
 Вокруг — Москва, поля и Волги панорама, огни Аму-Дарьи и мост через Дунай...
 И думают бойцы Кореи и Вьетнама: будем жить и мы, отвоюем свой край!
 И, словно слыша стон и дальний гром событий, с решеньем не прощай убийцам их вины — дом смотрит сверху вдаль, как строгий обвинитель, в преступные глаза зачинщиков войны.
 Ты первый встретил день! Красуйся, новый дом! Приняв в себя людей, наполнись их трудом, и с ними породись, их грехи и любя, как творческая мысль, создавшая тебя.

билую дорожку, идущую по берегу, потом — линию столбов освещения и связи, затем, когда столбы окажутся далеко внизу, перейти еще один путь, на этот раз железнодорожный, и, наконец, ступить на широкую площадку, на которой кое-где торчат, словно пни, остатки последней эстакады пультвода. Это и есть «скорая первая помощь» — верх земляной плотины, возвышающейся над железнобетонными опорами гидромеханизаторами.
 Эта огромная плотина тянется больше чем на двенадцать километров по бывшей пойме Дона, по бывшим запрудным дамкам, и сооружение ее, за исключением одного небольшого участка, закончено в прошлом году.
 На первом участке гидромеханизации старшим прорабом работает Николай Иванович Ерофеев. Живет он километрах в трех от плотины в старой каменной станице Красноварской, на берегу реки Кумачань. Несколько лет тому назад было от этой станицы до ближайшей железной дороги около сотни километров, и жители занимались хлебопашеством, виноградарством и ловлей рыб. А теперь и железная дорога рядом, и море, Нокаская множество фотографий своих родственников, развешенных по стенам горницы, Николай Иванович говорит:
 — Это свояк, Иван Николаевич, главный бухгалтер одиннадцатого участка гидромеханизации, это двоюродный брат Мишка — работает в конторе снабжения, это сестренка Марфа — кассир четвертого района, немного повзрослела, когда снимал, но ничего, вышла, это другая сестренка — Юра — диспетчер ремонтного завода, это Иван Давыдович — брат жены, старший механик четвертого участка гидромеханизации, — снимал его вечером, при искусственном освещении.
 Николай Иванович сам занимается фотографией, и видно, что качеством снимков он доволен не меньше, чем своей работающей рукой.
 Домик, в котором живут супруги Ерофеевы, как и все домики донских станиц, имеет ослепительную чистоту: потолок, стены и даже деревянные горшки для цветов тщательно выбелены «стеркой» — материалом, похожим на мел, под протерт железной щеткой, и хозяйки, вернувшись с работы, ходят по комнатам в носках.
 Николай Ивановичу — 27 лет, жена его, Александра Давыдовна, еще моложе, и в первой комнатке их дома стоит стул, который она не так давно украсила переводными картинками.
 Вернувшись после войны в родную станицу, Николай Иванович работал в колхозе, а в 1948 году поступил в изыскательскую партию, измерившую землю в районе строительства Димьянского гидроузла, рабочим третьего разряда. Началась из разговора Николая Ивановича было трудно понять, почему он выбрал именно изыскательскую партию. Он длинно рассказывает о том, что кончил восемь классов, в армии служил разведчиком, повидал много стран и городов, что специального образования получить не успел...
 — Да очень просто, почему он пошел к изыскателям, — прерывает его Александра Давыдовна, — я тогда работала в изыскательской партии — вот он и пошел... Я там ресничкой работала.
 Николай Иванович смущенно улыбается и покачивает головой.
 С первых же дней работы в изыскательской партии Николай Иванович понравился начальнику своей сообразительностью и любознательностью. Начальник не долго приглядывался к бывшему разведчику и на удивление сочувствующим назначил его сначала вычислителем, а через полгода вручил ему сложный геодезический инструмент — нивелир. Вскоре после этого Николай Иванович принимал участие в ответственной работе — в разведке осей будущей плотины. Впрочем, начальник изыскательской партии отличался своеобразием: в критичные часы отдыха, свободные от хождения по полям и дорогам, брал отличные ружье и бродил по донским заповедям. Николай Иванович говорит про него:
 — Умест человеку работу доверить. Другой, бывает, начальник самую пустую работу даст, а сам забывает за угол за полный день подглядывает, чего у тебя полу-

чается. А этот смелый — одно слово, умеет работу доверить!
 В конце 1949 года Николаю Ивановичу пришлось расстаться со своими друзьями. Экспедиция получила задание на производство работ в Сталинградской области, а Николаю Ивановичу не хотелось оставлять родные места. Сельского ноября он и Александра Давыдовна сыграли свадьбу, и через несколько дней молодой супруг поступил десятиником на первый участок гидромеханизации Димьянского гидроузла.
 С виду наша работа простая и понятная, — говорит он. — Землесоз стоит на реке, засасывает воду с грунтом — пульзу, гонит по трубам куда надо, бьется, за несколько километров. А на месте грунт остается, вода уходит — вот и все. Чуть-чуть про гидромеханизаторов, там все есть — и про пульзу, и про хорошие уплотнение. В некоторых статеках и про гранулометрию написано. А самого главного, как потом надо убрать с намывтой насыпи, не пишут. А это в нашем деле самая основная трудность. Например, надо взять миллион кубометров земли; так с этим миллионом придет, считай, десять миллионов кубометров воды. Вот — это хитрый инструмент. Она тебе гору за неделю намост, а за час размоет, если не угладишь. Она со своим характером...
 Для того, чтобы отвести воду, пришедшую вместе с грунтом, устраивают специальные колодцы — коллекторы, из которых вода сбрасывается по трубам куда-нибудь в нижние места. Первое время дело у Николая Ивановича не клеилось, и часто начальник участка Александр Кузьмич Бондаренко подходил к нему со своей поговоркой: «Ты что это бабеш — бабочек ложишь?» — и терпеливо объяснял, как переключить воду.
 — Если вода прорвет валик, это серьезное дело, — рассказывает Николай Иванович. — Свежезамытая насыпь — все равно, что яйцо, сваренное, как говорят, «в мелочек», — по краям твердая и сухая, а в середине сырое ядро. Если откос размоет, так и середина вытечет...
 В июне 1950 года Николай Иванович был назначен прорабом по намыту.
 В то время работы еще только начинались, и плотина кое-где едва достигала метровый выстой. Спасибо, и Виктор Федоро-

вич, главный инженер, и товарищ Бондаренко объясняли, разрешали пробовать и так, и этак. Тоже умел человеку работу доверить. Так, кажется, и научился кое-чему. В прошлом году весной в одном месте плотины оказались плохие вложения песка. Надо было их как-то убрать. Мы с одним прорабом направили на это место две трубы, как пушки, да запустили пульзу. И отжали их хорошим грунтом.
 В июле 1951 года Николаю Ивановича назначили старшим прорабом.
 К тому времени некоторые участки плотины были закончены, некоторые уже поднялись на десятков метров.
 А первого декабря 1951 года гидромеханизаторы празднично победу — сооруже-ние грандиозной земляной плотины Димьянского гидроузла было закончено.
 В день нашего знакомства с Николаем Ивановичем начался намыт железнодорожной насыпи, примыкающей к плотине. С раннего утра все были «на карте». Начальник участка Александр Кузьмич, лицо которого уже успело покрыться прочным загаром, остановил Николая Ивановича.
 — Глазды выписал? — спросил он.
 — Нет еще.
 — Так иди, выписывай. А то склад закрыт, будешь бегать — бабочек ловить... — проговорил он не с злостью, а с какой-то доброй строгостью, и пошел дальше просматривать эстакаду, на которой лежали трубы пультвода.
 Николай Иванович сходил на склад и затем, шурша плащом, прошел по трубам, проверяя крепление фланцев.
 Вскоре в трубах замудела вода и из множества отверстий стали бить серебряные фонтаны, и над каждым из них появились бledные игрушечные радуги.
 — Как в Петергофе все равно, — сказал Николай Иванович.
 Вскоре вода помутнела, радуги поблекли и исчезли. Пошел грунт. Тяжелые и влажные, похожие на нефть, струи пульзы, как каменные лотки, стали послушно откладывать песок в нужные места. И тут стали понятиями рассказы Николая Ивановича о ковачестве воды. Между невысокими земляными валиками, ограничивающими карту, образовался широкий пруд, и вода то и дело старалась найти место, где бы прорвалась на волю. Рабочим с лопатами приходилось торопливо наращивать валики то в одном месте, то в другом.

Пульза шла все более и более мощными струями. В трубах шумело так, словно внутри их шел ливень.
 Вскоре порядок был наведен, и вода по-прежнему пошла в коллекторы. Николай Иванович пришел в край эстакады, туда, где из открытого торца трубы хлестала пульза, и сел отключить. Пасынь в том месте росла на глазах.
 — Вот здесь кончим, и все — с грустью проговорил он наконец, видимо, отвечая на свои мысли. — Больше здесь делать нечего. Придется нам с Сашей на Волгу подвезаться. На Волге тоже хорошо — правда? На любом месте что-нибудь хорошее есть. В наших краях я осень люблю. Выидешь, бывает, утром на поля, озимь в инее, солнце такое стальное поднимается, и не холодно. А вот в Казани я в госпитале лежал, там зиму люблю. У нас, в степи, в буран снег меще куда пошало, в разные стороны, а там падает тихо, тихо, аккуратно, одна снежинка на олу, по очереди... Лежать, конечно, было скучно. Равнялся на скучу, вот и пришлось лежать. Да я выписался. Еще сухари не мог грызть, а выписался, пошел снова в разведку... Вот кончим здесь, и поеду с Сашей в Куйбышев или в Сталинград...
 Видимо, романтика новой профессии победила все-таки в Николае Ивановиче привычку к родным местам.
 С тех пор мне каждый день приходится подниматься на огромную, намытую оборотным способом плотину, и каждый день, поднимаясь на нее, я вспоминаю о Николае Ивановиче, «самодеятельном инженере», как его однажды в шутку назвала жена, и меня изумляло не столько исполнительское сооружение, сколько скоростной творческий рост колхозника из станицы Красноварской, одного из многих тысяч тружеников великих строек.
 И я хорошо понимаю чувство призрачности, с которым Николай Иванович относился к неизвестному мне начальнику изыскательской партии, к инженеру Виктору Федоровичу Дмитриеву, к Александру Кузьмичу Бондаренку, бережно выращенному специалисту новой, неизвестной профессии, лет тому назад профессия, и умеющим «человеку работу доверить»...
 Сергей АНТОНОВ

